

УДК 159.9.01

ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО ОБОСНОВАНИЕ С РАЗНЫХ НАУЧНЫХ ПОЗИЦИЙ¹

© 2019 г. Н.Е. Харламенкова

*Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, Россия.*

*Доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией психологии развития
субъекта в нормальных и посттравматических состояниях.*

E-mail: nataly.kharlamenkova@gmail.com

Поступила 21.01.2018

Аннотация. В соответствии с целью исследования, которая состояла в сравнении представлений о безопасности человека, обосновано понятие “психологическая безопасность”. В качестве исходного основания анализа понятия “безопасность” рассмотрена фундаментальная философская проблема – проблема Человека; определены методологические и теоретические предпосылки изучения психологической безопасности человека с позиции психологии субъекта. Показано, что разное отношение субъекта к миру (трагическое, комическое и др., по С.Л. Рубинштейну) является определяющим в переживании им своего бытия как опасного или безопасного. Обозначены способы регуляции субъектом переживания угрозы в зависимости от жизненных обстоятельств: повседневных и интенсивных стрессов. Понятие “психологическая безопасность” рассмотрено в соотношении с другими научными понятиями: психологическим благополучием, жизнестойкостью и жизнеспособностью.

Ключевые слова: проблема человека, субъект, психологическая безопасность, проблема жизни и смерти, психологическое благополучие, интенсивный стресс, жизнестойкость, жизнеспособность.

DOI: 10.31857/S020595920002985-9

Проблема человека – сложнейшая и принципиально до конца не изученная научная задача, которая вызывает неизменный интерес среди ученых как гуманитарных, так и естественно-научных областей знания. Один из вопросов, часто задаваемых при ее обсуждении, звучит так: “в какой сфере научного знания проблема человека ставится наиболее определенно и остро”, “в чем может заключаться ее содержание?” [17, с. 11].

Очевидно, что именно для философии “проблема человека, его природы, назначения и возможностей его познания всегда была центральной” [там же, с. 402]. В разных философских учениях особое предназначение человека виделось в свободном проявлении воли, в разумном и творческом отношении к миру, в способности размышлять над вопросами смысла жизни и смерти, в формулировке нравственного закона жизни и стремлении ему следовать. Однако не только для философии, но

и для других наук обращение к проблеме человека стало фундаментальной задачей, решение которой часто осуществлялось с ориентацией на нормы проведения естественно-научных исследований. Как пишет В.А. Лекторский в заключении к книге “Теория познания: Познание социальной реальности”, “вопрос о том, возможно ли знание о человеке и человеческой реальности и как возможно это знание, всегда решался с точки зрения того идеала знания, образцы которого были даны в точном естествознании, вернее, в классической физике” [17, с. 402].

Возрастающая дифференциация наук стимулировала появление разных взглядов на человеческую природу и развитие специализированных форм познания. Не только философия и физика, но и математика, этика, эстетика, право, политика, идеология и др. попытались определить свой круг вопросов, связанных с решением проблемы человека. В результате такого разобщения наук единая предметная область исследования была расщеплена на отдельные фрагменты; некоторые научные направления

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 15-36-11108).

стали претендовать не только на то, чтобы тщательно исследовать свой аспект проблемы человека, но и на ее решение в целом [там же, с. 49].

Современная наука стоит перед необходимостью продолжения исследований в этой области, тем более что высокоразвитые информационные технологии и интенсификация научного процесса стимулируют развитие особых способностей человека и одновременно создают условия для возобновления дискуссий по поводу фундаментальных философских вопросов. Сложность, однако, заключается в том, что решение фундаментальных проблем науки с опорой на новейшие технические и информационные достижения не всегда ведет к желаемому результату. Так, по мнению В.А. Лекторского, многие “науки о человеке становятся во все большей степени поставщиками средств для управления человеческим существом, проектирования его телесности и психики” [10, с. 5], что парадоксальным образом причиняет серьезный вред его природе, способствует “расчеловечиванию”, и в конечном итоге ведет к гибели.

Речь идет о том, что постепенное развитие современных технологий, направленных на “улучшение” человеческой природы, т.е. на повышение его выносливости, физического здоровья и психической устойчивости к воздействию негативных факторов, привело к необходимости формулировки и обсуждения проблемы создания “постчеловека”, или сверхсовершенного существа. Сторонники идеи создания сверхчеловека обосновывали эту возможность тем, что необходимо отказаться от гуманистических идеалов, связанных с потребностями в заботе, сострадании, любви и др., которые, как утверждалось, мешают развитию выдающихся способностей.

Критично оценивая увлеченность решением задачи по созданию сверхчеловека, Лекторский пишет, что человек — не только природный, но и культурный феномен, и именно мир культуры и ценностей позволяет сохранять ему самобытность. Вовсе не отрицая важности современных научных достижений в области информационных, когнитивных, нано- и биотехнологий, ученый уточняет, что «общество знания», технонаука, новые NBIC² и социальные технологии только в том случае будут способствовать развитию и процветанию человека, если они самым серьезным образом будут считаться с тем, что делает человека человеком, т.е. с человеческой культурой и ее смыслами» [там же, с. 10].

Попытка вернуть человеку человеческое вынуждает исследователей вновь задаться вопросом о том, можно ли исследовать *научными методами*

такие аутентичные черты *Homo sapiens*, как свобода воли, самосознание, самопознание и самоконструирование и другие феномены? Оказывается, что если рассматривать их как особенности Человека — носителя определенных культурных и нравственных ценностей, то есть рассматривать “как генетически и функционально связанные с деятельностью и действиями познающего существа во внешнем мире” [там же, с. 12], то вопрос об объективности этих феноменов и возможности их изучения сугубо научными методами становится не столь острым.

Тем не менее, охватывая взглядом историю становления проблемы человека в науке, можно заметить устойчивое стремление объективировать процедуру изучения человеческих качеств либо путем изучения преимущественно биологического начала, либо путем исследования ценностей, смыслов, свободы волеизъявления, нравственных и духовных потребностей методами гуманитарных наук, сконструированными по подобию естественно-научных методов. Это ставшее традиционным противопоставление *природного* и *культурного* в человеке со всей очевидностью создавало основу для постоянного обращения то к естественно-научной, то к гуманитарной парадигме и усугубляло разделение биологического и культурного, природного и социального. Так, Н.А. Бердяев писал: “Самый факт существования человека есть разрыв в природном мире и свидетельствует о том, что природа не может быть самодостаточной и покоится на бытии сверхприродном. Как существо, принадлежащее двум мирам и способное преодолевать себя, человек есть существо противоречивое и парадоксальное, совмещающее в себе полярные противоположности. С одинаковым правом можно сказать о человеке, что он существо высокое и низкое, слабое и сильное, свободное и рабье... Человек не есть только порождение природного мира и природных процессов, и вместе с тем он живет в природном мире и участвует в природных процессах. Он зависит от природной среды, и вместе с тем он гуманизирует эту среду, вносит в нее принципиально новое начало” [3, с. 55].

По мнению А.В. Брушлинского, для одной из наук, изучающей человека, — *психологии* — характерно, что уже в ее предмете природное и социальное онтологически являются *нераздельными*. Брушлинский пишет, что на любой стадии развития человека, т.е. в том числе и в период раннего онтогенеза, в психике (а речь идет именно о психологии человека, а не животных) нет ничего, что было бы только природным или только социальным. Утверждается, что это положение имеет отношение и к высшему уровню развития человека, к его духовному уровню. “Эта уникальная целостность природного и социального, составляющая

² *Nano Bio Info Cognitive* — прим. ред.

сущность человека и его психики, возникла в ходе антропогенеза и социогенеза и развивается дальше в процессе истории человечества и жизненного пути каждой личности” [4, с. 48]. Именно благодаря активности человека как *субъекта* своей жизни этот процесс происходит не путем *воздействия* социального на природное и подчинения последнего первому (внешняя детерминация), а посредством *участия самого человека* (внешнее через внутреннее) в организации своей жизнедеятельности.

Данное теоретико-методологическое положение верифицируется значительным количеством научных и практических результатов, полученных в общей, социальной, инженерной психологии и др. Очевидным подтверждением того, что человек выступает *субъектом* своей жизни, интегрируя природное и социальное начало, выступает критическая для проверки правдоподобности этого высказывания ситуация – болезнь. Известно, например, что на этапе реабилитации после тяжелого заболевания или операции важнейшую роль в эффективности восстановительных процедур играет степень включенности в этот процесс пациента (его мотивация к выздоровлению, позитивное отношение к реабилитации, планирование будущего и др.).

Это положение верно и в том случае, если речь идет о проведении психологической коррекции людей с эндогенными расстройствами. Важно, как пишут В.П. Критская и Т.К. Мелешко, учитывать множество факторов, прежде всего, специфику патологии (в исследовании авторов – шизофренической патологии), социально-демографические данные, мотивацию и предпочтения пациентов. *“Мотивирующие воздействия должны быть направлены на реализацию ресурсов личности, не выходящую за пределы ее возможностей, а коррекционная работа – строиться с учетом потребностей, интересов личности, ее способностей и склонностей, навыков и умений. На этих данных основываются рекомендации, касающиеся профориентации, трудоустройства, выбора адекватного места в жизни. Реабилитационный процесс невозможен без активного участия самого пациента в нем”* [8, с. 359].

Итак, изучение природных особенностей людей и объяснение с помощью выявленных закономерностей, лежащих в плоскости естествознания, феномена человека, равно как исследование культурных и социальных факторов в качестве ведущих детерминант, определяющих его природу, без понимания роли самого человека в этом процессе, оставляет открытым вопрос о его сущности. И напротив, осознание того, что *сущность человека* заключена в уникальной целостности природного и социального, которая обнаруживается в том, что человек выступает субъектом своей жизни, позво-

ляет по-новому осветить ряд обсуждаемых в современной науке вопросов.

Одним из таких актуальных и непростых вопросов является проблема *безопасности человека*.

Цель статьи состоит в сравнении разных представлений о безопасности человека и в обосновании правомерности использования понятия “психологическая безопасность” в аспекте анализа более общей проблемы человека, человека как субъекта жизни.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА И ОБЩЕСТВА: РАЗЛИЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О БЕЗОПАСНОСТИ

В обыденном представлении “безопасность” ассоциируется с отсутствием опасности, угрозы, зла. Интересно отметить, что житейское представление о безопасности часто переносится в область научного знания. Так, систематизация различных определений безопасности, встречающихся в научной литературе, показывает, что в большинстве из них *безопасность* понимается как *защищенность*. Это и защищенность интересов субъекта от угроз, и сохранение целостности и стабильности социальной системы при негативных воздействиях, и защита материальных и духовных ценностей субъекта от существенного для него ущерба [14, с. 192]. Отличие состоит лишь в *объекте* защиты, т.е. в том, *что* именно готов защищать субъект или общество: собственные интересы, стабильность или ценности.

С нашей точки зрения житейское и научное определения понятия, конечно, должны быть близки по своему содержанию, но не идентичны. Научное определение формулируется на высоком уровне обобщения и отличается полнотой и предельной точностью, отражая сущностные признаки предмета, который этим понятием обозначают. Научное понятие должно связывать разные уровни научного знания: эмпирический, теоретический и методологический, – что доказывает его значимость для данной области знания и принципиальную незаменимость другими понятиями.

По-видимому, смешение житейского и научного определений безопасности связано с тем, что в обоих случаях речь идет о защищенности человека как биологического существа от различных угроз и опасностей. При этом иные аспекты феномена безопасности, такие как активность человека как субъекта, антиципация и восприятие опасности, способы защищенности и др., в данной дефиниции отсутствуют. В связи с этим вполне закономерно возникает вопрос о том, почему научное определение понятия “безопасность” трактуется

достаточно узко? Научное определение безопасности часто оказывается не связанным с пониманием человека как субъекта жизни и с анализом *проблемы человека* в целом. Рассматривается либо безопасность *индивида* как биологического существа, либо безопасность *личности* как социального индивида. Обе ипостаси человека — природная и культурная, которые следует изучать в их целостности и единстве, разделяются, не интегрируются, и в этом случае индивид действительно остается открытым различным воздействиям, вынужден защищаться от многочисленных опасностей, угрожающих его физическому и социальному благополучию.

Следуя именно такой логике в определении безопасности, ученые и практики закономерным образом обращаются к изучению различных угроз и видов безопасности: военной, социальной, экономической, экологической, информационной, а также к описанию тех последствий, к которым приводит нарушение конкретного ее вида. Так, при анализе проблемы информационной войны безопасность может рассматриваться как “такое состояние системы и среды, когда отсутствуют внешние и внутренние угрозы существованию и успешному функционированию системы или имеется надежная защита от таких угроз” [1, с. 10].

Методологическим основанием теоретико-эмпирического изучения безопасности как защищенности индивида от угроз является такое понимание человека, при котором он представляется включенным в отношения с миром по принципу детерминации “внутреннее через внешнее”, когда проявления его *собственной активности* оказываются возможными только в “ситуации без угроз”, в безопасной ситуации. Если это так, тогда, как писал Бердяев, человек действительно представляет собой существо “слабое и сильное, свободное и рабье” [3, с. 55]; уточним, в большей степени, именно “слабое” и “рабье”, ведь “ситуации без угроз” встречаются реже, чем в разной степени угрожающих обстоятельства жизни.

Понимание безопасности как защищенности индивида от угроз исключает необходимость обсуждения философской *проблемы человека*, нивелирует ее значимость. Кроме того, меняется контекст обсуждения этой проблемы: безопасность как защищенность человека от угроз снимает необходимость анализировать проблему *жизни* и *смерти*, а важнейшим философским вопросом становится вопрос о *выживании* человека в условиях экологического, экономического, политического и иных видов кризиса [см., например, 20]. “Суть проблемы безопасности в современном контексте состоит в определении условий существования и выживания человечества в постиндустриальную эпоху... При этом гамлетовский вопрос — быть или

не быть — встает теперь уже не в философском, а в жизненно практическом смысле” [6, с. 40].

Представляется, однако, что подобная трактовка проблемы безопасности вновь возвращает нас к исходному противоречию природного и культурного в человеке, к необоснованному разделению и противопоставлению этих двух ипостасей. Тенденция рассматривать безопасность преимущественно как природную составляющую человека лишает его сугубо человеческих качеств и не позволяет исследовать эту проблему в более широком ее понимании.

С нашей точки зрения, как *философская категория* безопасность (человека, общества) раскрывается в контексте методологического анализа проблемы *жизни* и *смерти* и понимания человека как активного субъекта, конструирующего, осмысливающего *жизнь* и пытающегося понять, что такое *смерть* [18]. Угрозы, опасности практически всегда вызывают у человека страх, чувство утраченной безопасности. Преодоление этого страха в его философском понимании состоит не только и не столько в избегании опасностей и угроз, не в поиске безмятежной жизни, а в предельном *наполнении* жизни *смыслом* [13, с. 167]. “В том-то как раз и заключается дело, что жизнь — прежде всего человеческая жизнь — не обладает никаким смыслом, помимо того, какой мы сами сознательно или стихийно, намеренно или невольно самими способами нашего бытия придаем ей... Этот ответ смещает центр тяжести с вопроса об *изначальном смысле*, бесплодность которого очевидна, на вопрос об *окончательном смысле*, позволяя судить и о том *среднем* и *промежуточном*, где находимся мы и где этот вопрос имеет неотвлеченный смысл, где он, собственно, и приобретает всю полноту своего значения...” [13, с. 167–168].

Рассматривая проблему безопасности человека через призму его активной позиции как субъекта жизни по отношению к своему осмысленному существованию, мы существенно дифференцируем узкое (часто житейское) и более широкое понимание безопасности человека. Повторим сказанное ранее: в узком значении безопасность трактуется как защищенность человека, общества от угроз, как выживание индивида. При более широком понимании проблемы человек рассматривается не как объект внешних воздействий, а как субъект, наделенный ответственностью за свою жизнь, рефлексирующий, конструирующий и понимающий ее в соответствии с найденными им смыслами своего существования. Осмысленность жизни позволяет субъекту понимать многие явления, которые раньше представлялись ему угрозами и опасностями, скорее как закономерные трудности, а также дифференцировать их от других угроз — интенсивных

стрессоров, на самом деле представляющих опасность для жизни.

Таким образом, на *методологическом* уровне анализа *безопасность человека* понимается как *конструируемое субъектом пространство жизни, имеющее временные границы и наделенное смыслом, благодаря которому создаются ресурсы для сохранения целостности, стабильности и развития человека, принятия и осознания им на индивидуальном уровне проблемы жизни и смерти.*

Именно субъект, согласно С.Л. Рубинштейну, как сознательный человек не только проживает и переживает свою жизнь, но и “определяет свое отношение к миру”, берет “ответственность ... за то, что он делает ... и за то, чем он будет становиться, за себя самого” [15, с. 83]. По мнению А.В. Брушлинского, проблема субъекта является общей для многих гуманитарных, отчасти биологических и технических наук, однако именно в *психологии* субъект рассматривается не абстрактно, а как “живой субъект”, формирующий и развивающий “в ходе деятельности, общения и т.д. психическое как непрерывный (недизъюнктивный) познавательный-аффективный процесс...” [4, с. 64]. Обращаясь к изучению “живого субъекта”, осуществляющего психическое как процесс, исследователи закономерным образом открывают для себя необходимость анализа *психологии* человека как субъекта жизни и деятельности, осознают востребованность обсуждения проблемы *психологической безопасности*.

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ: ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В отличие от понятия “потребность в безопасности”, которое используется в психологии довольно давно, “психологическая безопасность” как понятие – явление новое. Интересно, однако, отметить, что несмотря на интенсивное обращение современных психологов к этой проблематике, она продолжает трактоваться достаточно узко и понимается как защищенность человека от негативных внешних факторов, как психологическое благополучие, прямо связанное со стабильностью общества, предсказуемостью социальных процессов и т.п. (см. обзор исследований по проблеме безопасности в книге [19]). Например, при определении понятия психологической безопасности образовательной среды отмечается, что это состояние, “свободное от проявлений психологического насилия во взаимодействии, способствующее удовлетворению потребностей в личностно-доверительном общении...” [2, с. 12].

С нашей точки зрения, понятием “психологическая безопасность” следует обозначать не состояние среды, в которую, по мнению многих авторов, человек включен лишь как “участник взаимодействия”, и даже не состояние индивида или личности. Психологическая безопасность присуща субъекту и не дана ему в виде готового продукта, а постоянно *воспроизводится* им.

С.Л. Рубинштейн писал, что в жизни человека есть трагическое, комическое, драматическое, причем следует разделять, скажем, *трагическое отношение* к жизни и “*трагедию* (курсив мой – Н.Х.) как закономерно выступающую сторону самой жизни” [15, с. 80]. Чувства трагического, юмористического, иронического не могут быть абсолютизированы; они проявляются в конкретной ситуации живого субъекта в особой конфигурации и акцентируются в зависимости от *отношения* субъекта к происходящему. Будет ли субъект ощущать жизнь как трагедию, т.е. как небезопасную для него, во многом зависит от его отношения к конкретным жизненным обстоятельствам, к тому или иному делу, идее, поступку. “Жизнь могуча, бесконечно разнообразна и чревата всем добрым и злым. И у человека в конечном счете одно дело в жизни: самому вносить в нее, сколько только может он, красоты и добра” [там же, с. 84].

Итак, *методологическим* основанием проблемы *психологической* безопасности человека остается проблема поиска *смысла жизни* и *отношения* человека к *смерти* в аспекте проявления комплекса переживаний – от юмористического к ироническому. Ироническое отношение к миру вызывает переживание его небезопасности и настраивает на восприятие собственного бытия преимущественно как трагического.

Понятие “психологическая безопасность” еще более специфицируется и конструируется на *теоретическом* уровне анализа. По мнению А.Л. Журавлева и Н.В. Тарабриной, она представляет собой “*интегративную характеристику субъекта, отражающую степень удовлетворенности его базисной потребности в безопасности и определяемую по интенсивности переживания психологического благополучия / неблагополучия*” [7, с. 9].

Раскрывая содержание этого определения, отметим, что психологическая безопасность – это сложный конструкт, который включает в себя мотивационно-потребностное состояние субъекта, комплекс эмоциональных переживаний, когнитивную и регулятивную составляющие. Отношение субъекта к миру как *мотивационная* и *когнитивная* составляющие психологической безопасности выражаются в виде общей и частной жизненных установок. Общая установка связана с осмысленностью жизни субъектом (смыслом жизни); частная

установка возникает на конкретную ситуацию (событие) и сопряжена с оценкой этой ситуации как опасной (угрожающей) или безопасной. Определенное отношение к миру в целом и к конкретному событию в частности вызывает различные переживания (благополучия или неблагополучия) и является *эмоциональной* составляющей психологической безопасности. Переживание неблагополучия актуализирует базовую потребность в безопасности, которая определяет актуальное *потребностное* состояние субъекта и побуждает его к регуляции эмоционального состояния и к когнитивной переоценке ситуации, а возможно, и к изменению смысла жизни (*регулятивная* составляющая психологической безопасности).

Следует заметить, что через отношение к миру человек проявляет себя как активный субъект и воспринимает свое окружение в зависимости от того, каков его жизненный опыт и каковы его жизненные установки. Безусловно, важной составляющей психологической безопасности является то, как человек *переживает* свое отношение к миру, как он его воспринимает эмоционально, ведь в зависимости от этих переживаний у субъекта будет (или не будет) возникать потребность в безопасности.

Выделяя в качестве главного индикатора психологической безопасности *переживание*, мы подчеркиваем, что *нарушение* безопасности связано с переживаниями особого рода: страхом, ужасом, безысходностью, т.е. с *интенсивным стрессом*. Степень переживаемого стресса зависит от отношения субъекта к конкретной ситуации и, безусловно, корректируется общей жизненной установкой, связанной с осмысленностью жизни.

Известно, что интенсивный (травматический) стресс — эмоциональная реакция субъекта, выходящая за пределы привычного для человека реагирования на повседневные стрессоры [5]. Как пишет Н.В. Тарабрина с коллегами, травматический стресс может возникать не только на стрессоры высокой интенсивности, но и на житейские неурядицы, т.е. на хронические повседневные стрессоры, вызывающие у человека повторяющиеся негативные эмоции [16]. Однако именно события катастрофического характера способны привести к интенсивному стрессу и последующим, т.е. отсроченным реакциям: посттравматическому стрессу (ПТС), психопатологической симптоматике и изменениям в эмоционально-личностной сфере человека. “Посттравматический стресс определен как *симптомокомплекс*, характеристики которого отражают, прежде всего, нарушение целостности личности в результате психотравмирующего воздействия стрессоров высокой интенсивности. Эмоционально-когнитивные личностные изменения при этом могут достигать такого уровня, при

котором у человека как субъекта нарушается способность осуществлять основную интегрирующую функцию” [16, с. 34].

Понятно, что такие изменения являются индикатором *нарушения* безопасности и границей, разделяющей “трагическое отношение к жизни” (см. выше), т.е. субъективную оценку человеком жизненных событий и ситуаций как угрожающих, которая может корректироваться субъектом, и “трагедию как закономерно выступающую сторону самой жизни” [15, с. 80]. В последнем случае объективная опасность и ее угрожающий жизни характер чаще всего не предотвращаются субъектом, но могут быть им приняты впоследствии в качестве факта истории своей жизни.

Рассматривая разную степень “трагичности жизни”, можно неверно оценить меру влияния субъекта на разные жизненные обстоятельства — повседневные трудности, с одной стороны, и травматические стрессоры, с другой, полагая, что влиянием первых можно управлять, а воздействием вторых — нет. Это не совсем так. В обоих случаях субъект может менять отношение к ситуации — *априори* снижать субъективную значимость повседневных стрессоров, воспринимаемых в качестве потенциальных угроз безопасности, и *апостериори* изменять отношение к травматическим событиям своей жизни и их последствиям.

В целом можно вполне утвердительно сказать, что понятие психологической безопасности адекватно вводится в категориальный аппарат научной психологии, обозначая собой комплекс когнитивных, эмоциональных, мотивационных и регулятивных составляющих, описанных нами ранее, посредством которых субъект оценивает и переживает состояние психологического благополучия, т.е. такое состояние, когда тема жизни и смерти актуально не выступает для человека во всем ее трагизме.

Небезопасность, эмоционально оцениваемая переживанием страха, ужаса, безысходности, тесно связана со страхом смерти, с ощущением необратимости произошедшего, с чувством утраты: угрозой собственной жизни, потерей близких людей и нарушением привычного уклада жизни, утратой субъектом интегрирующей функции. Принятие этой травматической ситуации через изменение отношения к ней восстанавливает способность человека оставаться субъектом своей жизни.

Таким образом, *психологическая безопасность* (как, впрочем, и безопасность вообще) связана с обеспечением и сохранением жизни человека, однако как категория психологии она специфицируется 1) комплексом психологических характеристик (когнитивных, эмоциональных и прочих) и 2) реализуется благодаря активности самого субъекта (а не только благодаря обстоятельствам и усло-

виям жизнедеятельности), в том числе проявляясь в его жизнеспособности и жизнестойкости [9; 12]. В связи с этим понятно, что в организации безопасной среды большую роль играет сам субъект.

ПОНЯТИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ДРУГИХ КАТЕГОРИЙ ПСИХОЛОГИИ

При проведении категориального анализа понятий оказалось, что семантически близкие к психологической безопасности термины — защищенность, стабильность и др., — сами по себе не являются понятиями, но представляют собой ее отдельные характеристики.

Семантически близкие к психологической безопасности понятия, с нашей точки зрения — это “психологическое благополучие”, “жизнестойкость” и “жизнеспособность”. *Психологическое благополучие* в узком (эмоциональное благополучие) и широком (позитивные отношения с другими, принятие себя, автономия, компетентность и проч.) смысле слова соотносится с психологической безопасностью по принципу “целое—часть”. Психологическая безопасность обозначает собой только ту часть широкого диапазона проявлений психологического благополучия, которая соотносима с активными действиями субъекта по организации своего психологического благополучия, т.е. с изменением отношения к ситуации, с переоценкой событий и своего состояния и др.

Дискуссии относительно сопоставления между собой жизнестойкости и жизнеспособности хорошо известны [11; 12]. Мы придерживаемся позиции А. В. Махнача, который сравнивает жизнестойкость (*hardiness*) с жизненной силой и способностью выдерживать трудности судьбы, а жизнеспособность (*resilience*) — с сопротивлением трудностям, а также со способностью существовать и развиваться [там же].

В контексте сравнения понятий психологическая безопасность занимает особое место. Так, *жизнестойкость* характеризует человека как выносливого, эргичного, ресурсного, актуально противостоящего обстоятельствам. Психологическая безопасность предполагает не столько противостояние обстоятельствам, сколько совладание с различными угрозами и их последствиями в целях ослабления самой серьезной угрозы — угрозы смерти.

Психологическая безопасность и жизнестойкость чаще проявляются актуально. Временными координатами *жизнеспособности* являются и настоящее, и будущее. Можно также добавить, что стратегии жизнестойкости и жизнеспособности обеспечивают психологическую безопасность человека.

Методологическое и теоретическое обоснование конструкта “психологическая безопасность” не мыслится без системы понятий “жизнь” и “смерть”, в рамках которой стремление к жизни невозможно понять без осмысления проблемы смерти, и наоборот. “Факт смерти превращает жизнь человека не только в нечто конечное, но и окончательное. В силу смерти жизнь есть нечто, в чем с известного момента ничего нельзя изменить... Жизнь человека в силу факта смерти превращается в нечто, чему подводится итог. В смерти этот итог фиксируется. Отсюда и серьезное, ответственное отношение к жизни в силу наличия смерти” [15, с. 81].

Сказанное в полной мере относится и к конкретному человеку, и к группе людей, и к целому народу, государству. Поэтому неслучайно, говоря о национальной безопасности государства, политики продолжают связывать ее с защищенностью личности и общества от внешних и внутренних угроз, прежде всего имея в виду сохранение *жизненных ресурсов* государства и обеспечение его развития. При этом подразумевается и обратное, т.е. необратимость последствий, *гибель* государства в случае недостаточной военной, экономической, информационной, социальной и экологической защиты общества от угрожающих факторов. Чем более открытым и разумным будет представление о масштабах возможного бедствия, тем более эффективными, с нашей точки зрения, будут стратегии жизнестойкости и востребованными ресурсы жизнеспособности, и, в целом, более корректно будет рассмотрен вопрос о национальной безопасности государства, общества и отдельной личности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Введение в систему научных категорий понятия, которое ранее использовалось в обыденном языке, требует специального обоснования и сугубо научного объяснения. Наиболее остро этот вопрос стоит в случае обращения к понятию “безопасность” как универсальной категории, которая успешно введена в лексикон разных наук — как естественных, так и гуманитарных. Проблема состоит в том, что понятие “безопасность” часто не специфицируется относительно конкретной научной дисциплины и не обосновывается с методологической и философской точек зрения, что нарушает принцип дифференциации научных и житейских понятий.

Предлагая рассматривать категорию “безопасность” как одну из характеристик человека как субъекта жизни, мы показали, что безопасность субъекта обеспечивается им путем осмысления собственной жизни и отношения к смерти, и предприняли попытку объяснить необходимость исследования феномена безопасности в контексте

более общей проблемы – проблемы человека. Дифференциация философского и конкретно-научного содержания изучаемого вопроса позволила подтвердить возможность использования понятия “психологическая безопасность” и наполнить его содержательно.

Категориальный анализ понятий продемонстрировал правильность выбранного ракурса исследования и предоставил возможность соотнести семантически близкие понятия: психологическую безопасность, жизнестойкость и жизнеспособность – и еще более специфицировать понятие безопасности как характеристики субъекта, который способен усиливать, ослаблять или нивелировать *трагическое отношение* к жизни, а также принимать жизнь такой, какая она есть, либо, наоборот, избегать принятия жизни, когда она активно становится *трагедией*.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев А.П., Алексеева И.Ю.* Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.
2. *Баева И.А., Семикин В.В.* Безопасность образовательной среды, психологическая культура и психическое здоровье школьников // Известия Российской государственной педагогической университета им. А.И. Герцена. 2005. № 5 (12). С. 7–19.
3. *Бердяев Н.А.* О назначении человека. М.: Республика, 1993.
4. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта / Отв. ред. В.В. Знаков. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”; СПб.: Алетей, 2003.
5. *Головей Л.А., Стрижицкая О.Ю.* Особенности структуры повседневных стрессоров и ресурсов личности в разные периоды взрослости // Психология повседневного и травматического стресса: угрозы, последствия и совладание / Под ред. А.Л. Журавлева, Н.В. Тарабриной, Е.А. Сергиенко, Н.Е. Харламенковой. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 27–49.
6. *Денисов В.В.* Безопасность как проблема выживания человечества // Философия и общество. 2004. № 3. С. 24–42.
7. *Журавлев А.Л., Тарабрина Н.В.* Психологическая безопасность: на пути к комплексным, междисциплинарным исследованиям (вместо предисловия) // Проблемы психологической безопасности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Н.В. Тарабрина. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2012. С. 5–21.
8. *Критская В.П., Мелешко Т.К.* Патопсихология шизофрении. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2015.
9. *Лактионова А.И.* Взаимосвязь смысловых образований и рефлексивности с жизнеспособностью человека // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 27–40.
10. *Лекторский В.А.* Возможны ли науки о человеке? // Вопросы философии. 2015. № 5. С. 3–15.
11. *Махнач А.В.* Жизнеспособность как междисциплинарное понятие // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 6. С. 84–98.
12. *Махнач А.В.* Жизнеспособность человека как предмет изучения в психологической науке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 5–16.
13. *Никитин Е.П.* Духовный мир: органичный космос или разбегающаяся вселенная? М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004.
14. *Поздняков А.И.* Категория безопасности: сравнительный анализ различных подходов к определению // Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы Всерос. науч. конф., 4 дек. 2009 г. / Под ред. С.С. Сулакшина и др. М.: Научный эксперт, 2010. С. 192–202.
15. *Рубинштейн С.Л.* Человек и мир. М.: Наука, 1997.
16. *Тарабрина Н.В., Харламенкова Н.Е., Падун М.А., Хажуев И.С., Казымова Н.Н., Быховец Ю.В., Дан М.В.* Интенсивный стресс в контексте психологической безопасности. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
17. Теория познания: В 4 т. Т. 4. Познание социальной реальности / Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. М.: Мысль, 1995.
18. *Трубников Н.Н.* О смысле жизни и смерти. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1996.
19. *Харламенкова Н.Е., Тарабрина Н.В., Быховец Ю.В., Ворона О.А., Казымова Н.Н., Дымова Е.Н., Шаталова Н.Е.* Психологическая безопасность личности: имплицитная и эксплицитная концепции. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017.
20. *Хохрина Е.Н.* Философские основания выживания человечества в контексте глобального экологического кризиса: Автореф. дисс. ... д-ра философских наук. Самара, 2001.

THE CONCEPT OF PSYCHOLOGICAL SAFETY AND ITS JUSTIFICATION FROM DIFFERENT SCIENTIFIC PERSPECTIVES¹

N.E. Kharlamenkova

*Institute of Psychology RAS; 129366, Moscow, Yaroslavskaya st., 13, Russia.
Sc.D. (psychology), chief research officer, professor, laboratory of psychology
of subject development in normal and post-traumatic states.*

Received 21.01.2018

Abstract. In accordance with the purpose of the research, which consisted in comparing of different representations of human safety, the justification of “psychological safety” concept was carried out. As the initial basis of the analysis of “safety”, the fundamental philosophical problem – Human problem – is considered; the methodological and theoretical foundations for studying of psychological safety from the position of the psychology of subject are defined. It is shown that the different attitude of the subject to the world (tragic, comic, etc. according to S.L. Rubinstein) is decisive in the experience of his being as dangerous or safe; the ways of the subject’s regulation of the threat experience are described depending on the life circumstances – everyday and intensive stresses. The concept of “psychological safety” is considered in relation to other scientific concepts – psychological well-being, resilience and hardiness.

Keywords: human problem, subject, psychological safety, the problem of life and death, psychological well-being, intensive stress, hardiness, resilience.

REFERENCES

1. *Alekseev A.P., Alekseeva I. Ju.* Informacionnaja vojna v informacionnom obshhestve // *Voprosy filosofii.* 2016. № 11. P. 5–14. (In Russian)
2. *Baeva I.A., Semikin V.V.* Bezopasnost’ obrazovatel’noj sredy, psihologicheskaja kul’tura i psihicheskoe zdorov’e shkol’nikov // *Izvestija Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena.* 2005. № 5 (12). P. 7–19. (In Russian)
3. *Berdjaev N.A.* O naznachenii cheloveka. Moscow: Respublika, 1993. (In Russian)
4. *Brushlinskij A.V.* Psihologija sub#ekta / Ed. V.V. Znakov. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”; St. Petersburg: Aletejja, 2003. (In Russian)
5. *Golovej L.A., Strizhickaja O. Ju.* Osobennosti struktury povsednevnyh stressorov i resursov lichnosti v raznye periody vzroslosti // *Psihologija povsednevnogo i travmaticheskogo stressa: ugrozy, posledstvija i sovladanie* / Eds. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina, E.A. Sergienko, N.E. Harlamenkova. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2016. P. 27–49. (In Russian)
6. *Denisov V.V.* Bezopasnost’ kak problema vyzhivanija chelovechestva // *Filosofija i obshhestvo.* 2004. № 3. P. 24–42. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L., Tarabrina N.V.* Psihologicheskaja bezopasnost’: na puti k kompleksnym, mezhdisciplinarnym issledovanijam (vmesto predislovija) // *Problemy psihologicheskoy bezopasnosti* / Eds. A.L. Zhuravlev, N.V. Tarabrina. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2012. P. 5–21. (In Russian)
8. *Kritskaja V.P., Meleshko T.K.* Patopsihologija shizofrenii. Moscow: Izd-vo “Institut psihologii RAN”, 2015. (In Russian)
9. *Laktionova A.I.* Vzaimosvjaz’ smyslovych obrazovanij i reflektivnosti s zhiznesposobnost’ju cheloveka // *Psihologicheskii zhurnal.* 2017. V. 38. № 5. P. 27–40. (In Russian)
10. *Lektorskij V.A.* Vozmozhny li nauki o cheloveke? // *Voprosy filosofii.* 2015. № 5. P. 3–15. (In Russian)
11. *Mahnach A.V.* Zhiznesposobnost’ kak mezhdisciplinarnoe ponjatje // *Psihologicheskii zhurnal.* 2012. V. 33. № 6. P. 84–98. (In Russian)
12. *Mahnach A.V.* Zhiznesposobnost’ cheloveka kak predmet izuchenija v psihologicheskoy nauke // *Psihologicheskii zhurnal.* 2017. V. 38. № 4. P. 5–16. (In Russian)
13. *Nikitin E.P.* Duhovnyj mir: organichnyj kosmos ili razbegajushhajasja vseennaja? Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 2004. (In Russian)
14. *Pozdnjakov A.I.* Kategorija bezopasnosti: sravnitel’nyj analiz razlichnyh podhodov k opredeleniju // *Nacional’naja bezopasnost’: nauchnoe i gosudarstvennoe upravlencheskoe soderzhanie: materialy Vseross. nauch. konf., 4 dek. 2009 g.* / Ed. S.S. Sulakhina i dr. Moscow: Nauchnyj jekspert, 2010. P. 192–202. (In Russian)

¹ The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project № 15-36-11108).

15. *Rubinshtejn S.L.* Chelovek i mir. Moscow: Nauka, 1997. (In Russian)
16. *Tarabrina N.V., Harlamenkova N.E., Padun M.A., Hazhuev I.S., Kazymova N.N., Byhovec Ju.V., Dan M.V.* Intensivnyj stress v kontekste psihologicheskoj bezopasnosti. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. (In Russian)
17. Teorija poznanija: V 4 t. V. 4. Poznanie social'noj real'nosti / Eds. V.A. Lektorskij, T.I. Ojzerman. Moscow: Mysl', 1995. (In Russian)
18. *Trubnikov N.N.* O smysle zhizni i smerti. Moscow: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJeN), 1996. (In Russian)
19. *Harlamenkova N.E., Tarabrina N.V., Byhovec Ju.V., Vorona O.A., Kazymova N.N., Dymova E.N., Shatalova N.E.* Psihologicheskaja bezopasnost' lichnosti: implicitnaja i jeksplicitnaja koncepcii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. (In Russian)
20. *Hohrina E.N.* Filosofskie osnovanija vyzhivaniija chelovechestva v kontekste global'nogo jekologicheskogo krizisa: Avtoref. diss. ... d-ra filosofskih nauk. Samara, 2001. (In Russian)